

Более ста лет тому назад, в начале ноября 1920 года, большое число уроженцев станицы Гундоровской, воевавших в течение двух с половиной лет на стороне белоказачьих войск в составе Донского гундоровского георгиевского полка и других частей и подразделений, были вынуждены оставить Россию и отправиться в эвакуацию, которая впоследствии стала длительной, многолетней эмиграцией. Это одна из самых трагических страниц донской казачьей истории и, соответственно, старейшей на Дону станицы Гундоровской.

О том, как развивались события в тот жесточайший период российской истории, подробно рассказано в произведениях писателя Сергея Сполоха. В этом номере газеты публикуется очередная историческая статья на столь важную тему.

Между морем и горем. Как гундоровские казаки покидали Россию в ноябре 1920 года

В последние октябрьские дни 1920 года Донской гундоровский георгиевский полк был разделён на несколько неравных по численности отрядов. Один из них был брошен на борьбу с крымскими зелёными, засевшими в горах и терроризировавшими как мирное население, так и проходившие по горным дорогам воинские части и обозы. Об этих событиях свидетельствует удостоверение за номером 883, выданное штабом войскового атамана Всевеликого войска Донского 29 октября 1920 года есаулу Быкадорову, в котором было указано: «...разрешаю производить набор казаков из неказачьих частей для формирования донского казачьего дивизиона по борьбе с зелёными».

Дивизион сформировать уже не удалось, так как 29 октября (11 ноября) 1920 года стало последним днём активной борьбы на фронте.

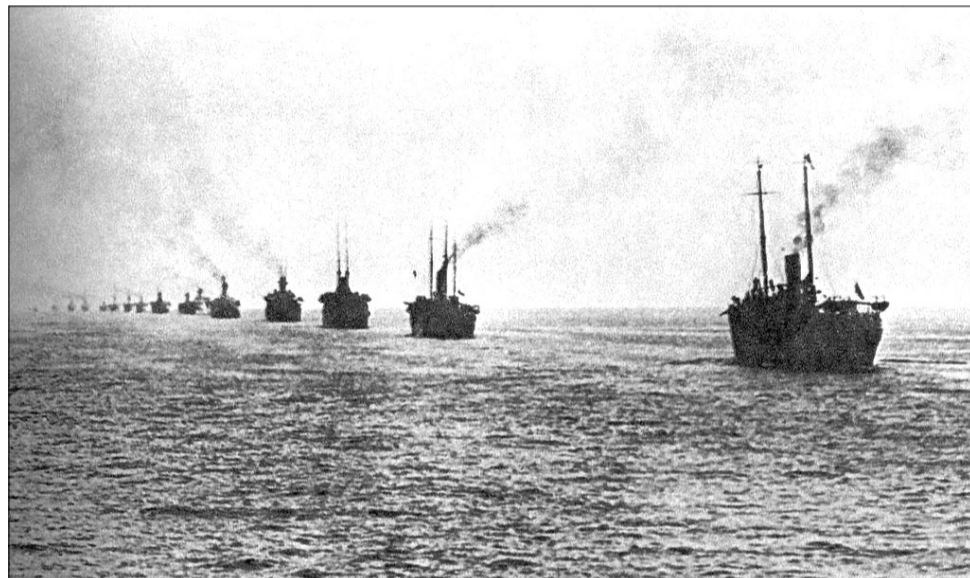
Большая часть гундоровцев отступала вместе с войсками Донского корпуса в направлении Керчи, а оставшиеся казаки вместе с юнкерами были брошены на патрулирование окрестностей порта и обеспечение пропуска и посадки на корабли войск и беженцев.

Уже 1 (14) ноября 1920 года по полкам было разослано приказание, где точно указывалось, когда, в каком порядке и на какое судно кому грузиться, и предписывалось выслать вперёд квартирнёров.

С рассветом 2 (16) ноября 1920 года началась погрузка на корабли. Ещё за городом квартирнёры и офицеры Керченского гарнизона, собранные в батальон, специально предназначенный для поддержания порядка при погрузке, встречали подходившие части и указывали им дорогу к пристани; тут же сообщали правила погрузки.

Прибывающие части почти незамедлительно грузились на баржи, которые и развозили их по судам, стоявшим на рейде, а на более мелкие суда грузились непосредственно с пристани.

Негостеприимно встретило Чёрное море казаков. Сильный порывистый норд-ост поднимал громадные волны, и даже такие большие пароходы, как, например, «Екатеринодар», «Поти» и другие, сильно качало, нередко заливая палубы водой, не говоря уже про маленькие суда, которые бросало из сто-

Кильватерная колонна кораблей, уходящих из Крыма. Ноябрь 1920 года.

роны в сторону, буквально как щепки. Было несколько случаев, когда волной запросто смывало людей за борт.

С началом плавания к унынию и страху перед неизвестностью у тех, кто покинул родину, прибавились и физические страдания: голод, жажда, болезни, нашествие вшей, которые потом донимали их всё время и в лагерях. И трудно сказать, что в этом перечне было ужаснее.

Разместились все в страшной тесноте, попавшие в трюмы задыхались от духоты, а те, кому досталась палуба, мёрзли от холода.

На пароход «Екатеринодар», где находилась основная часть казаков Донского гундоровского георгиевского полка, были погружены около пяти тысяч человек, и это помимо громадного груза зерна и интендантского имущества. Палуба, шлюпки, крыши кают, мостики, чуть ли не до капитанского включительно, были усеяны людьми. Было так тесно, что требовалось много времени и усилий, чтобы пробраться от носа до кормы парохода, а иногда это оказывалось совершенно невозможным. В трюм набилось столько народу, что сидевшие в нём с трудом могли вытянуть ноги.

В путевых заметках о пароходной жизни донских казаков, написанных на острове Лемнос казачьим офицером есаулом Н. В. Золотовым, приводится

такое описание пути гундоровцев по Чёрному морю:

«Наконец, после долгих утомительных часов ожидания конца разного рода пертурбаций, мы очутились на большом транспорте «Екатеринодар». Теснота, которая оказалась на пароходе, превзошла ожидания самой пылкой фантазии. Поистине нигде было упасть яблоку. Кое-как удалось расчистить себе место, чтобы стать и в таком положении ждать лучшего времени для подыскания более удобного уголка.»

«Пока никто не думал о размещении. Взоры всех были обращены туда, где ещё не так давно в апогее славы мы несли угнетённой стране освобождение, мир и любовь. Каждый сознавал, какое великое событие совершается в его жизни. Россия покинута. Оставлен родной край. Оставлены жена, мать, дети, словом, всё близкое и дорогое. Оставлено на неопределённое время, может быть, для некоторых — навсегда. На глазах у многих сверкали слёзы, но на лицах не было заметно ни малейшего раскаяния. Хотелось только скорее ехать.»

«Мало-помалу публика начинает занимать более удобные места. Часть опускается в трюмы, громадная же часть размещается на палубе, на корме, в машинном отделении, наконец, даже на лебёдках, но всё же

очень многие не находят себе места».

Следуя своей привычке постараться увидеть своими глазами всё, о чём приходится писать, я на корабле «Мария Ермолова» проделал тот же путь, что и казаки-гундоровцы по Чёрному морю. Только корабль этот вышел из Новороссийска, а не из Керчи. Размещалось на нём, по причине межсезонья, всего полторы сотни человек на триста пассажирских мест.

Мне было очень трудно представить, как примерно на таком же по размерам корабле могли находиться пять тысяч человек. В судовом ресторане стояло привычное наименование блюд, в том числе и селёдка под шубой. Судя по воспоминаниям казаков-гундоровцев, находившихся на корабле «Екатеринодар», им тоже давали черноморскую солёную сельдь, но с одной существенной разницей: без всякой кулинарной шубы и, самое главное, совсем без воды...

Это морское путешествие помогло мне написать главы из книги «Казак на чужбине», выдержки из которых я привожу ниже с небольшими сокращениями.

Тогда, в начале ноября 1920 года, с первых же часов вынужденного морского путешествия на судах обнаружился недостаток воды, а затем и продовольствия. Но всё же больше всего хотелось пить. Жажда мучила так, что казаки пили морскую воду, доставая её привязанными котелками через борт и сбавившая непереносимо противный вкус сахарным песком. Пресной воды выдавали по стакану в день на человека. Но скоро запасы её кончились, и обитателям кораблей приходилось пить только морскую воду и, что было хуже всего, заедать её селёдкой. Или наоборот. Как вспоминали казаки гораздо позднее, для них эти дни стали преодолением одного из кругов дантова ада. Но они ведь ещё не знали, сколько таких, или даже более тяжких испытаний, им предстояло пройти.

К проливу Босфор пароход «Екатеринодар» подошёл утром 8 (21) ноября 1920 года. То, что впереди находился пролив, определили даже далёкие от морских дел казаки. Слева и справа по курсу корабля виднелись горы, а между ними — узкий, словно вырубленный, проём, хорошо освещённый встающим солнцем.

По кораблю от наверх дымовой трубы и до самого дальнего и нижнего угла вонючего пароходного трюма понеслось:

— Земля! Земля! Берег! Берег!

Всем радостно представилось: наконец заканчиваются морские мучения, и впереди нужно ждать только хорошее и радостное. Прекрасная тихая и солнечная погода; спокойные, без волн, воды пролива.

Пассажиры, невзирая на чины и ранги, выплеснулись на палубы и, протискиваясь поближе к бортам, стали шумно переговариваться, оклика друг друга.

Капитан дал команду вахтенному рулевому максимально прижаться к правому, более освещённому утренним солнцем берегу пролива. Пароход приблизился к берегу.

— Здравствуйте, — весело кричали турки, приветствуя входивший в пролив «Екатеринодар».

Приободрившиеся казаки, как будто и не было этой тяжелейшей недели, чувствуя себя спасёнными из ада и находящимися в преддверии рая, приветственно махали руками стоявшим на берегу мужчинам и женщинам, также махавшим им платками.

На рейде уже находилось около двух десятков больших и малых судов с русскими беженцами, «Екатеринодар» встал впереди остальных, ближе всех к набережной Серкеджи.

— Нас первыми выгружать будут! — догадливо понеслось по палубам. И началось движение... Каждый высматривал себе путь, чтобы как можно скорее, в числе первых, сойти с корабля на твёрдую землю. Но неожиданно машину вдруг застопорили.

— Карантин. Французы на берег нас не пустят, пока не пройдём санитарную комиссию, — объяснил генерал Гусельщиков штабным офицерам.

— Доведите до всех находящихся на корабле: придётся ещё потерпеть. Думаю, что немного.

Призыв потерпеть ни на кого не действовал. У людей был только один, казавшийся самым весомым, аргумент:

— Нет сил терпеть! Кончилось терпение в этом проклятом море.

Со стоявших на рейде кораблей стали отчаянно семафорить: «Погибаем от голода! Гибнем от жажды!».

Берег со столь желанными, необходимыми в этот момент едой и водой, был рядом, но подходить к нему кораблям было запрещено. Наконец поняв, насколько накалена обстановка, французы стали доставлять на суда, стоявшие на рейде, воду и хлеб.

Когда первый паровой катер подошёл к «Екатеринодару», и перевесившиеся через леера пассажиры увидели, как плещется в большой бочке вода, они криками и выразительными жестами стали показывать, как их измучила жажда. Большую бочку с водой, обвязанную для удобства подъёма верёвками, приняли на борт. Сразу возле неё пришлось выставить полукольцо часовых с обнажёнными шашками. Мгновенно образовалась очередь. Один из первых к бочке с водой пробился пожилой, в старинном чекмене казак из станицы Луганской Кузьма Ремчуков. Дорогой, сильно страдая от жажды, кивая своей седой головой, он всё приговаривал:

— Вот напиться бы вдосталь, тогда и умирать можно...

На борт подняли ещё три больших бочки, и очередь к первой сама собой рассыпалась. Дед Ремчуков, не ожидая такой удачи, оказался возле неё один. С

необыкновенной ловкостью он черпанул из бочки цибарку воды и, боясь, что его остановят или, не дай бог, отнимут столь желанную жидкость, как можно скорее прошмыгнул к своему закутку под трапом. Но, не добежав до него и трёх шагов, остановился. Вороватым движением руки быстро поднес цибарку ко рту и стал жадно и торопливо пить, не замечая, как холодные водяные струи текли сначала по седой бороде, по груди, по чекмену и так до самых шаровар.

Уже, казалось, цибарка наполовину опустела, и легче стало деду её держать, и должен наступить предел, но Кузьма, не переставая, пил, пил и пил, издавая хлюпающие звуки, как скотина в жаркий полдень на водопое у степной речки. Вдруг, резко обмякнув всем сухощавым, жилистым телом, Ремчуков навзничь упал на палубу и широко раскинул руки. Гремя самодельной кривой железной дужкой, цибарка откатилась в сторону. Подбежавший военврач, полковник Безрукавый, пытался привести деда в сознание, но было уже поздно. Кузьма был мёртв.

— Кто дал ему воды? У него же мгновенный отёк лёгких, — констатировал врач. — Глоток, два, ну, стакан, но не

большие рыбацкие лодочки-фелюги и слышались многоголосые гортанные крики. Это турки без разбору называли всех прибывших своими друзьями:

— Аркадаш! Аркадаш!

Так первые торговцы стали зазывать обитателей парохода к своей соблазнительно разложенной на носу фелюг турецкой еде. Специально разрезанный на половинки белый хлеб, аккуратно выложенные стопки лепёшек, пластованная вяленая рыба с потёками жира, связки коричневатого инжира и даже мёд в плоских баночках.

Казаки стали предлагать самые разные бумажные купюры: николаевские, временного и донского правительств, но никакие бумажные кредитные обязательства российских правителей и правительств торговцев абсолютно не интересовали.

— Алтын бар?! — настойчиво твердили турки.

Скоро всем стало понятно: их интересуют только настоящие деньги. А это означало лишь одно: золотые или серебряные монеты, но никак не бумажные ассигнации.

Но вскоре оказалось, что некоторые торговцы — греки и турки — согласны брать в оплату за еду и вещи, даже из

вещи в зависимости от степени оголодалости...

Торговцы, и греки, и турки, словно забыв свою вековую вражду по отношению друг к другу, даже помогали торговаться с русскими и всячески расхваливали свой товар, при этом сбивая меновую стоимость предлагаемых казаками вещей.

Урядник Игнат Плешаков спустился по полуопущенному трапу почти к поверхности воды и кивком головы подозвал торговавшего с лодки грека:

— А это возьмешь? — и он разжал ладонь, на которой лежал массивный серебряный нательный крест. — Ты ж христианин... Возьми по-христиански, одари, не жлобствуй. А то бог у нас с тобой один, и он накажет тебя за жадность, а меня — за продажу.

Когда не совсем довольный такой торговлей Плешаков наконец поднялся по трапу, окружившие его корабельные страдалцы стали спрашивать:

— Что ты у этого носатого коршуна сторговал?

Тому было стыдно признаться, что он отдал свой нательный крест, освящённый в станичном Успенском храме, и он неохотно ответил:

— Да часики дамские, за ненадобностью, небольшие такие, — сказал он, чтобы не подумали, что он продешевил.

9 (22) ноября 1920 года французы стали разоружать находившихся на кораблях солдат и казаков. Офицерам оставили револьверы и шашки, казакам — только шашки. Кое-кто из казаков и солдат, припрятав заранее, умудрился оставить при себе на всякий случай штыки.

Пулемёты и винтовки укладывали на большой брезентовый полог, подводили под низ канаты и судовым краном перегружали на французские суда. Издалека, с других кораблей, это напоминало выгрузку дров. Вопиющая картина разоружения сильно возмущала офицеров и казаков, на палубах то там, то здесь возникали стихийные митинги. Но командиры нашли средства урезонить крикунов. Распоряжение французского командования было выполнено.

После этого пароход «Екатеринодар» встал на якорь у причала Серкеджи. Не все казаки оказались достаточно терпеливыми при разгрузке. Некоторые, не дожидаясь, когда пароход причалит и матросы спустят сходни, стали прыгать с парохода на пристань и попадали при этом прямо в воду. Их вылавливала дежурная команда и отправляла на выход с пристани, где полным ходом шла регистрация прибывших.

Оказалось, что французы ничуть не считают с воинской организацией прибывших и настойчиво разбрасывают их по количеству людей, а не по принадлежности к своим полкам, сотням и взводам. Только после вмешательства казачьего командования был наведён воинский порядок, и каждый офицер и казак заняли своё место в строю.

Сошедшим на берег раздали крепкий горячий чай и хорошо пропечённый хлеб. После солёной селёдки, корабельной пшённой юшки и «чухпышек» — лепёшек, выпеченных на боках дымовой трубы парохода, это нехитрое угощение показалось настоящим райским удовольствием.

Так, в ноябре 1920 года началось пребывание гундоровских казаков на турецкой земле. Как стало ясно гораздо позже, это было только первое действие горькой драмы, растянувшейся на десятилетия.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России

Пароход «Екатеринодар». 1920 год.

Эвакуация из Крыма. Ноябрь 1920 года.

более, а тут — чуть ли не целое ведро!

— Да он сам эту цибарку схватил. Всю дорогу только и мечтал напиться, только об этом и говорил...

— Ну вот, мечта одного странника уже сбылась... Не приведи господи! — и все стали креститься, расходясь от лежавшего на мокрых досках палубы тела.

Следующее утро началось с того, что в стальные бока кораблей мягкими деревянными носами стали ударять не-

форменного обмундирования. Торг сразу оживился, и вдоль бортов понеслось:

— Вещи есть?

— Да! Но что они берут?

— Новые шинели, новое бельё, мундиры, ботинки.

— И как меняют?

— Это у кого какая степень жадности! Один за ботинки английские два хлеба может дать, а другой — только половину того же хлеба. А наши, русские, отдают